

А.А. Ивин

Оценки в процессах коммуникации

В первом приближении коммуникация представляет собой процесс общения с помощью знаков, наделенных значением. При всей внешней простоте коммуникация представляет собой удивительное явление. Очевидно, что без коммуникации человечество не могло бы существовать. Притча о Вавилонской башне выразительно говорит об этом. Как только люди потеряли способность общаться, говорить друг с другом, объяснять и понимать, строительство башни тут же развалилось.

Язык не является единственным средством коммуникации, но он основное из таких средств. Далее рассматривается та специфическая роль, которую оценки играют в процессах языковой коммуникации.

Оценки. *Оценка* (оценочное высказывание) – высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность некоторого объекта. Оценками являются, к примеру, выражения: «Хорошо, что погас свет», «Плохо, когда кто-то опаздывает», «Лучше прийти раньше, чем опоздать» и т. п.

Оценки столь же фундаментальны, как и описания, и не сводимы к другим употреблением языка. Однако в отличие от описаний они не являются истинными или ложными. Описание и оценка являются двумя полюсами, между которыми имеется масса переходов. Как в повседневной коммуникации, так и в других разновидностях последней есть многие типы и описаний, и оценок. Чистые

описания и чистые оценки довольно редки, большинство языковых выражений носит двойственный, или «смешанный», описательно-оценочный характер.

Важность противопоставления описаний и оценок в процессах коммуникации несомненна. Многие понятия, связанные с коммуникацией (например, понятия доказательства, закона логики, объяснения, понимания и др.), до сих пор характеризуются в терминах истины. Но существует большой класс употреблений языка, которые явно стоят вне «царства истины». Прежде всего, это касается оценок. Философии языка необходимо шире взглянуть на изучаемые объекты и предложить новые, более широкие определения целого ряда своих основных понятий.

Хотя оценки обычны в коммуникации, в том числе и в научной коммуникации, долгое время господствовала идея, что оценки из-за своей субъективности не могут быть предметом строгого научного исследования.

С точки зрения исследования особенностей коммуникации интересно, что существуют *две независимые системы* ценностных координат, используя которые человек выносит свои оценки. Абсолютная система предполагает понятия «хорошо – безразлично – плохо», сравнительная система опирается на понятия «лучше – равноценно – хуже». Система абсолютных оценочных понятий стоит ближе к человеческому действию, чем система сравнительных оценочных понятий. Характерно, что нормативные понятия «обязательно», «разрешено» и «запрещено», непосредственно связанные с человеческой деятельностью, стоят гораздо ближе к абсолютным, чем к сравнительным оценочным понятиям.

За оппозицией «описание–оценка» стоит оппозиция «истина–ценность», а в конечном счете оппозиция «созерцание–действие». Первые элементы этих оппозиций не могут быть ясно поняты без прояснения вторых их элементов.

Понятие описательного высказывания может быть в должной мере прояснено лишь на основе противопоставления его оценочному высказыванию. Попытка определить описание вне оппозиции «описание–оценка» подобна намерению охарактеризовать «вареное» без упоминания о «сыром» или определить «гладкое», не ссылаясь на «шероховатое».

Сведение норм к оценкам. *Норма* (нормативное, или деонтическое, высказывание) – высказывание, обязывающее, разрешающее или запрещающее что-либо сделать под угрозой наказания. Нормы чрезвычайно разнообразны и включают команды, приказы, требования, предписания, законы, правила и т. п. Примерами норм могут служить выражения: «Прекратите говорить!», «Старайтесь приносить максимум пользы как можно большему числу людей», «Следует быть стойким» и т. п. Нормы, в отличие от описаний, не являются истинными или ложными, хотя могут быть обоснованными или необоснованными.

Обычно нормы и оценки рассматриваются независимо друг от друга, при этом нормы считаются самостоятельным, независимым от оценок употреблением (функцией) языка. Попытки установить связь норм и оценок редки, причем заранее предполагается, что вопрос об этой связи весьма сложен. Чаще всего утверждается, что оценки как-то «лежат в основе» норм или каким-то образом «влекут» нормы. Намерение выявить точный механизм этой связи приводит к громоздким и содержательно неясным конструкциям.

В действительности можно показать, что эта связь проста. Нормы представляют собой особый случай ценностного отношения между мыслью и действительностью. Как таковые, нормы являются частным случаем оценок. Именно тем случаем, который представляется нормативному авторитету настолько важным, что он находит нужным установить определенное *наказание* за приведение действительности в соответствие со своей оценкой.

Средством, с помощью которого оценка превращается в норму, является *санкция*, или «наказание» в широком смысле слова, налагаемое обществом на тех, кто отступает от установленных им предписаний. Наказание многолико и разнородно, начиная с лишения жизни и кончая абстрактным «осуждением истории». Соответственно, граница области норм не является четкой. В частности, правовые нормы – это жестко закрепленные социальные оценки, со строго фиксированной санкцией. Методологические правила – оценки, отказ от которых грозит возникновением каких-то, не оговоренных заранее затруднений в исследовательской деятельности. Правила игры – оценки со своеобразной санкцией: человек, пренебрегающий ими, выбывает из игры («играет в другую игру»). Грамматические нормы – оценки с расплывчатой санкцией, во многом сходной с

санкцией за нарушение правил игры, и т. д. Разнообразие видов возможной человеческой деятельности – от преобразования природы и общества до игры «крестики и нолики» – лежит в основе разнообразия тех наказаний, которыми сопровождается нарушение нормы, и разнородности поля самих норм.

Идея, что нормы – это частный случай оценок, может быть выражена с помощью следующего определения: «Обязательно действие A = (по определению). Действие A является позитивно ценным, и хорошо, что воздержание от данного действия влечет за собой наказание». Этим определением норма, обязывающая сделать A , разлагается на две оценки: позитивную оценку действия A и позитивную оценку наказания за невыполнение данного действия (воздержание от него).

Нормы как оценки, стандартизированные с помощью санкций, являются достаточно узким классом оценок. Во-первых, нормы касаются человеческих действий или вещей, тесно связанных с действием, в то время как оценки могут относиться к любым объектам. Во-вторых, нормы направлены в будущее, оценки же могут касаться как прошлого и настоящего, так и того, что вообще существует вне времени.

Принцип Юма. Обсуждение проблем использования оценок в коммуникации должно учитывать то обстоятельство, что из описаний логически не выводимы оценки, а из оценок не выводимы описания.

Описательные утверждения обычно формулируются со связкой «есть», в оценочных утверждениях нередко употребляется «должен». Поэтому идею о не выводимости оценок из описаний и описаний из оценок выражают также в форме положения, что от «есть» нельзя с помощью логики перейти к «должен», а от «должен» – перейти к «есть».

Д.Юм первым подчеркнул невозможность логического перехода от «есть» к «должен» и упрекнул всю предшествовавшую этику в том, что она не считалась с этим важным обстоятельством и потому является несостоятельной¹. Положение о невозможности логического перехода от фактических утверждений к утверждениям долженствования получило название *принципа Юма*.

¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1966. С. 618.

Данный принцип служил отправным пунктом для важных методологических заключений, касающихся морали, права и всякой коммуникации о долженствовании. Утверждалось, например, что, если моральные заключения не могут логически следовать из неморальных посылок, значит, нельзя обосновывать моральные принципы, выходя за пределы самой морали. Это положение, устанавливающее, как кажется, независимость морали от фактов, получило название «принцип автономии морали» и вызвало большие споры². Идее о не выводимости оценочных утверждений из фактов важное значение придавал в прошлом веке К.Поппер, считавший ее одним из теоретических оснований либерализма³.

Таким образом, принцип Юма, утверждающий не выводимость оценок из фактов, имеет важное теоретико-познавательное значение. Несомненно и его значение для методологии науки: если этот принцип верен, должно быть признано несостоятельным всякое моральное, правовое и иное доказательство, в котором оценочный тезис поддерживается фактическими (описательными) аргументами.

Обоснование принципа Юма. Сам Юм не привел никаких аргументов в поддержку идеи о невыводимости «должен» из «есть». Он ссылаясь на то, что было бы ошибочным вводить в заключение некоторое отношение или утверждение, отсутствующее в посылках, и указывал, что отношение или утверждение, выражаемое с помощью «должен» или «не должен», явно отлично от отношения или утверждения, выражаемого посредством «есть». Эта ссылка содержит, однако, порочный круг. Как обосновать принцип Юма без логических ошибок?

Можно выдвинуть два довода в поддержку этого принципа. Во-первых, все попытки его опровержения ни к чему не привели. Неуспех фальсификации служит аргументом в пользу принятия утверждения, устоявшего под напором критики. Во-вторых, принципу Юма может быть дано теоретическое обоснование путем включения его в теоретическую систему, в рамках которой он будет следствием других, более фундаментальных поло-

² См.: *Poincare A. La morale et la science // Dernières pensées.* Paris, 1913. P. 213–214.

³ *Поппер К. Открытое общество и его враги.* Т. 1. М., 1992. С. 96.

жений. В частности, такой является теория употреблений языка, противопоставляющая описания и оценки как два полярных его употребления.

Более существен теоретический аргумент. Описание должно соответствовать миру; задачей оценки является, в конечном счете, приведение мира в соответствие с оценкой. Эти две противоположные задачи не сводимы друг к другу. Очевидно, что, если ценность истолковывать как противоположность истине, поиски логического перехода от «есть» к «должен» лишаются смысла. Не существует логически обоснованного вывода, который вел бы от посылок, включающих только описательные утверждения, к заключению, являющемуся оценкой или нормой.

Хотя принцип Юма представляется обоснованным, некоторые методологические выводы, делавшиеся из него, нуждаются в уточнениях. Так, Пуанкаре, Поппер и другие полагали, что из-за отсутствия логической связи оценок и норм с описаниями этика не может иметь какого-либо эмпирического основания и, значит, не является наукой. Несмотря на то, что принцип Юма справедлив, принцип автономии этики ошибочен. Ни логика норм, ни логика оценок не санкционируют выводов, ведущих от чисто фактических (описательных) посылок к оценочным или нормативным заключениям. Конечно, обсуждение особенностей обоснования моральных норм требует учета этого логического результата. Вместе с тем ясно, что он не предопределяет решение *методологических проблем* обоснования этики, точно так же как невозможность перехода с помощью только логики от фактов к научным законам не предрешает ответа на вопрос об обоснованности теоретического знания.

Принцип Юма говорит об отсутствии логической связи между описаниями и оценками. Однако в реальной ситуации дело осложняется тем, что чистые описания и чистые оценки встречаются в гуманитарных и социальных науках не так часто. Гораздо более часты двойственные, описательно-оценочные утверждения. Такие выражения размывают границу между описаниями и оценками, вследствие чего принцип Юма лишается той ясности, которой он достигает при противопоставлении чистых описаний и чистых оценок.

Целевое обоснование оценок. Основным способом обоснования оценок является *целевое обоснование*. Иногда оно именуется *целевым подтверждением*; если упоминаемые в нем цели не яв-

ляются целями человека, оно называется также *телеологическим обоснованием*. Целевое обоснование представляет собой параллель эмпирическому подтверждению описательных утверждений (верификации следствий).

Целевое обоснование позитивной оценки какого-то объекта представляет собой ссылку на то, что с помощью этого объекта может быть получен другой объект, имеющий позитивную ценность.

Целевое обоснование оценок находит широкое применение в самых разных областях, начиная с обыденных, моральных, политических дискуссий и кончая философскими, методологическими и научными рассуждениями. Приведем несколько примеров таких рассуждений, чтобы продемонстрировать адекватность описанных схем целевого обоснования на конкретном материале.

Некоторые выводы Дж.Локка настолько странны, пишет Б.Рассел, что непонятно, каким образом изложить их в разумной форме. Локк говорит, что человек не должен иметь такого количества слив, которое не могут съесть ни он, ни его семья, т. к. они испортятся, но он может иметь столько золота и бриллиантов, сколько может получить законным образом, ибо золото и бриллианты не портятся. Локку не приходит в голову, что обладатель слив мог бы продать их прежде, чем они испортятся⁴.

По-видимому, Локк рассуждал так, используя схему целевого обоснования: «Если у человека слишком много слив, то часть их непременно испортится; плохо, когда сливы портятся; значит, нельзя иметь чересчур много слив». Это рассуждение представляет собой попытку целевого обоснования оценки: «Нельзя иметь слишком много слив». Рассел правильно замечает, что данное рассуждение не убедительно: первая его посылка не является истинным утверждением.

Другое целевое обоснование приводимое Локком: «Драгоценные металлы являются источником денег и общественного неравенства; экономическое неравенство достойно сожаления и осуждения; значит, драгоценные металлы заслуживают осуждения». Локк принимал первую посылку этого рассуждения, чисто теоретически сожалел об экономическом неравенстве, но не думал, что было бы разумно предпринимать меры, которые могли

⁴ См.: Рассел Б. История западной философии. Т. 2. М., 1993. С. 153.

бы предотвратить это неравенство. Логической непоследовательности в такой позиции нет, поскольку заключение не вытекает логически из посылок.

Философы-эмпирики XVIII–XIX вв., занимавшиеся этикой, считали удовольствие несомненным благом. Их противники, напротив, презирали удовольствие и склонялись к иной системе этики, которая казалась им возвышенной. Т. Гоббс высоко ценил силу, с ним соглашался Б. Спиноза. Разные системы принимавшихся исходных ценностей вели к различиям в целевых обоснованиях. Так, рассуждение «Взаимная благожелательность доставляет удовольствие и потому является добром» было бы приемлемым для Локка, но не для Гоббса или Спинозы. Большая часть противников локковской школы, пишет Рассел, восхищалась войной как явлением героическим и предполагающим презрение к комфорту и покою. Те же, которые восприняли утилитарную этику, напротив, были склонны считать большинство войн безумием. Это снова, по меньшей мере в XIX столетии, привело их к союзу с капиталистами, которые не любили войн, т. к. войны мешали торговле. Побуждения капиталистов, конечно, были чисто эгоистическими, но они привели к взглядам, более созвучным с общими интересами, чем взгляды милитаристов и их идеологов⁵. В этом отрывке упоминаются три разные целевые аргументации, обосновывающие оправдание и осуждение войны:

– война является проявлением героизма и воспитывает презрение к комфорту и покою; героизм и презрительное отношение к комфорту и покою позитивно ценны; значит, война также позитивно ценна;

– война не только не способствует общему счастью, но, напротив, самым серьезным образом препятствует ему; общее счастье – это то, к чему следует всячески стремиться; значит, войны следует категорически избегать;

– война мешает торговле; торговля является позитивно ценной; значит, война вредна.

Убедительность целевого обоснования существенно зависит от трех обстоятельств. Во-первых, от эффективности связи между целью и тем средством, которое предлагается для ее достижения; во-вторых, от приемлемости самого средства; в-третьих, от

⁵ Рассел Б. История западной философии. Т. 2. С. 153.

приемлемости и важности той ценности, которая выдвигается в качестве цели. Связь «средство—цель» в контексте целевого обоснования – это причинно-следственная связь: средство является той причиной, благодаря которой достигается цель-следствие. Чем более сильной является причинная связь, упоминаемая в целевом обосновании, т. е. чем эффективнее то средство, которое предлагается для достижения обозначенной цели, тем более убедительным кажется целевое обоснование. Средство, указываемое в целевом обосновании, может не быть оценочно нейтральным (безразличным). Если оно приемлемо для аудитории, целевое обоснование будет представляться ей убедительным. Но если средство сомнительно, возникает вопрос о сопоставлении наносимого им ущерба с теми преимуществами, которые способна принести реализация цели. Все это показывает, что целевое обоснование представляет собой индуктивное, вероятностное рассуждение. Если даже используемая в нем причинная связь является сильной, предполагаемое следствие – приемлемым, а поставленная цель – существенной, заключение целевого обоснования является проблематическим утверждением, нуждающимся в дальнейшем обосновании.

Оценки в научной коммуникации. Как полагали неопозитивисты, оценочные суждения не имеют никакого отношения к научному познанию. Наука вправе говорить о том, что *есть*, но не о том, что *должно быть*, и не о том, чему *лучше быть*. Она не может содержать оценок. Неопозитивистская идея, что включение оценочных элементов в науку является отступлением от идеала чистой науки, продолжает жить даже в условиях нынешнего упадка неопозитивизма.

Жесткий отказ от ценностей в научном познании является, однако, крайней позицией. Он плохо согласуется с реальной практикой науки, и прежде всего с практикой социальных и гуманитарных наук, всегда опирающихся на определенные ценности и стремящихся каким-то образом обосновать их.

Из попыток оправдать правомерность ценностей если не во всех науках, то хотя бы в социальном познании (в частности, в экономической науке) особую известность получил «постулат Мюрдаля». Согласно шведскому экономисту Г.Мюрдалю, в науках об обществе допустимы явные оценки; ученый вправе делать такие оценки, но он должен ясно отделять их от фактических утверждений.

Позиция Мюрдаля, подкупающая своей простотой, разделяется многими. В естественных науках ценностей и, соответственно, оценок нет. Социальная реальность вся проникнута идеологией, и поэтому ее познание невозможно без вынесения суждений оценочного характера. Эти суждения должны формулироваться явно и четко отделяться от фактических, описательных утверждений.

Очевидно, однако, что позиция Мюрдаля представляет собой всего лишь некоторое ослабление неопозитивистской доктрины «свободы от ценностей» и ничего не меняет в ее существовании. Несомненна также утопичность постулата Мюрдаля. Ни одна реально существующая научная теория, включая и науки об обществе, не строится так, чтобы утверждения оценочного или описательно-оценочного характера отделялись в ней скольконбудь ясно от чисто описательных утверждений.

Оценки являются необходимыми элементами социальных, а во многом и гуманитарных теорий. Более того, определенные оценки лежат в самой основе социального и гуманитарного теоретического знания.

Социальная теория анализирует общество в свете возможностей улучшения условий существования человека. Описывая альтернативы дальнейшего развития тех или иных сфер социальной жизни или намечая историческую перспективу для общества в целом, социальная теория обязана подвергнуть критике другие возможные пути. Этого нельзя достигнуть без оценочных суждений.

Еще до начала изучения общества социальный исследователь должен принять или отвергнуть некоторые общие оценки.

В частности, неомарксист Г.Маркузе выделяет следующие два оценочных момента, с самого начала осложняющих соблюдение социальной теорией исторической объективности:

– оценочно-нормативное суждение, что человеческая жизнь стоит того, чтобы ее прожить, или, скорее, может и должна стать таковой; это суждение лежит в основе всякого интеллектуального труда, оно является предпосылкой социальной теории и отказ от него (хотя он и не был бы нелогичным) равнозначен отказу от самой теории;

– оценочно-нормативное суждение, что в данном обществе существуют специфические возможности для улучшения человеческой жизни, а также средства и способы, которые общество долж-

но использовать для реализации этих возможностей⁶. Социальная теория должна, опираясь на эмпирические данные, показать объективную значимость данных оценочных суждений, как и всех других оценок, которые исследователь вынужден принять в качестве обоснованных до начала своего конкретного анализа.

Выдвигавшееся философами-неопозитивистами требование исключать любые оценки (и, соответственно, нормы) из языка социальных наук неосуществимо и проистекает из стремления перестроить эти науки по образцу естественных наук. Нереалистичной является и более слабая рекомендация отчетливо отделять в социальных дискуссиях нормы и оценки от чисто описательных утверждений. Многие утверждения носят двойственный, описательно-оценочный характер и функционируют в одних контекстах как описания, а в других как оценки или нормы. В социальных и гуманитарных теориях нередко невозможно провести ясную границу между описаниями и оценками и воспользоваться советом четко отделять описательные суждения от нормативных и оценочных суждений.

Человеческая деятельность и сопровождающая ее коммуникация невозможны без оценок. Науки, изучающие человека и общество и имеющие своей конечной целью рационализацию и оптимизацию человеческой деятельности, всегда устанавливают неявные или даже явные оценки и опираются на определенные ценности. Проблема не в устранении оценок, которое в данных науках в принципе недостижимо, а в *обосновании объективности* выдвигаемых нормативных и оценочных положений⁷.

⁶ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. Киев, 2004. С. VIII.

⁷ Более подробно роль оценок и норм в процессе научной коммуникации об-суждается в работе: Ивин А.А. Аксиология. М., 2006. Гл. 6–8.